

небольшую впадину под деревом сухие листья. Мы стали ему помогать, потом он достал из противогазной сумки кружку и пузырек «Тройного» одеколона, послал одного зачерпнуть из болота воды, нацедил в деревянную ложку одеколона: «для профилактики, а то заболеем». Каждый выпил по ложке и запил водой.

Мы улеглись рядышком, подстелив четыре шинели, благо, хоть они были сухими, а тремя укрылись, плотно прижавшись друг к другу...

Проснулись на другой день в два часа дня - у старшего оказались часы. С трудом встали на ноги – они были как деревянные, пришлось их растирать, массировать, и стали осматриваться. Остров оказался небольшим, весь поросший лесом, метров 300 шириной и около километра длиной. Пройдя его поперек, мы увидели невдалеке дорогу, идущую с Севера на Юг, оживленное движение по ней машин, бронетранспортеров и танков.

Лишь через много лет я узнал, что мы оказались в полосе движения войск Гудериана, ринувшегося на юг, навстречу войскам Клейста, двигавшегося на Север. Мы – в кольце. Это было 20-го сентября 1941 года.

Поток немецких войск был беспрерывный, нам оставалось только ждать. Были съедены все сухари, объедены все кустарники барбариса, с кисленькими как щавель, листочками. Вот тогда я по настоящему начал курить. Махорки у меня было много – полный карман шинели.

На седьмой день к острову подплыл на утлом челночке старик, вылез на берег, сел, закурил, потом громко сказал: «Хлопцы, выходите, не бойтесь! Немцев уже нет – уехали».

Он перевез нас по одному в село на челночке и распределил по хатам, по два человека. Хозяйка поставила на двоих полчутуна вчерашнего борща и положила кучку